

Основоположник русской классической музыки

Доклад Т. Н. Хренникова на торжественном заседании в Москве, посвященном 150-летию со дня рождения М. И. Глинки

В эти дни весь советский народ склоняет головы перед светлой памятью Михаила Ивановича Глинки, великого основоположника русской музыкальной классики, сто пятьдесят лет со дня рождения которого отмечает наша страна, а с нами и все прогрессивное человечество.

Имя Глинки неотделимо от имени Пушкина, гениального зачинателя русской классической литературы. И нельзя не вспомнить сегодня их детские годы, их первые впечатления от русской природы, русских сказок, были и песен, слышанных Пушкиным и Глинкой еще в детстве. «...И может быть эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первой причиной того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку», — отмечал Глинка в своих «Записках», работу над которыми, замечу попутно, он начал ровно сто лет назад, в июне 1854 года.

В детстве и в отроческие годы оба они, и Пушкин и Глинка, с глубоким волнением и законной гордостью слушали рассказы о патристических подвигах русских людей, защищавших родную землю от иноземных захватчиков. Не только былинные богатыри, но только великие полководцы древней Руси, но и воины, покрывшие неувядаемой славой русские знамена в Отечественной войне 1812 года, совершали эти славные подвиги. И твердая вера в непобедимость и величие родного народа отличала Пушкина и Глинку с юных лет, вера, которую они сохранили на всю жизнь. Недаром в тридцатые годы, когда некоторые воинствующие политики Запада грозили вновь напасть на Россию, Пушкин гневно предвещал участь захватчиков:

Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Вскоре после того как были написаны эти строки пушкинского стихотворения «Клеветникам России», Глинка создал своего «Ивана Сусанина». Такое произведение мог создать лишь человек, который был не только гениальным музыкантом и зрелым мастером, но и подлинно великим сыном своего народа, отразившим рост его национального самосознания в период, непосредственно следовавший за восстанием декабристов.

Подобно Пушкину, Глинка был энциклопедически образованным человеком. Известно, что в библиотеке Пушкина были книги на четырнадцать языках. Глинка уже в юные годы хорошо знал латинский, греческий, французский, немецкий, английский, а затем изучил польский, персидский, испанский, итальянский языки и читал в подлинниках Овидия, Данте, Шекспира, Расина, Мицкевича и многих других великих писателей. «Географию знал хорошо, историю поряточно. Естественные науки, в особенности зоология, любил страстно», — вспоминал впоследствии композитор в своих «Записках».

Детские годы Глинки прошли в расположенном недалеко от Ельни селе Новоспасском, где он родился в семье отставного капитана русской армии. Учился будущий композитор в так называемом Благородном пансионе при петербургском Главном педагогическом институте и окончил этот пансион в 1822 году.

Одним из воспитателей Глинки был тесно связанный с декабристскими кругами поэт Кюхельбекер, друг Пушкина.

Мы знаем, что среди друзей Глинки также были декабристы и что в беседах с ними обсуждались жгучие социальные проблемы, волновавшие русскую общественность. Глинка был пытливым, вдумчивым человеком, который живо интересовался всеми этими проблемами.

Юношеские поездки Глинки на Кавказ, на Украину, а затем в Германию и Италию принесли ему много впечатлений, в частности музыкальных. И уже в эти годы он ставит перед собой вопрос о национальном облике и задачах русской музыки, о путях ее развития. Нужно сказать, что ранние произведения Глинки завоевали популярность не только в России, но и за рубежом. Владелец одной из крупнейших музыкально-издательских фирм в Европе — Джованни Рикорди в Милане, издававший произведения только прославленных авторов, издал многие из ранних произведений Глинки, среди которых были и фортепианные сочинения и крупные камерно-инструментальные ансамбли. Но Глинка не был удовлетворен своими ранними опытами. «Тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски», — вспоминал через много лет Глинка в своих «Записках».

«Тоска по отчизне»... Какой большой смысл, какие глубокие чувства заключены в этих словах! Пробуя свои силы в различных областях музыкального творчества, Глинка никогда не забывал о своем патристическом долге перед Родиной. Он вынашивал смелые, великие творческие замыслы, он вдумывался в исторические судьбы своего отечества, постигал красоту и богатство русской народно-музыкальной культуры, изучал ее характерные черты.

Наш долг — никогда не забывать, а сегодня с особой признательностью вспомнить имена замечательных русских мастеров, накопивших в своем творчестве немалый опыт, мимо которого не мог пройти Глинка. Уже в конце восемнадцатого века выдвинулись такие композиторы, как Михаил Матинский, Евстигней Фокин, Максим Березовский, Дмитрий Бортнянский, Иван Хандошкин и многие другие авторы русских опер, симфонических камерно-инструментальных и вокальных произведений.

Советская музыкально-историческая наука раскрывает значение этих композиторов, их роль в подготовке классического расцвета русской музыки, начало которому положил Михаил Иванович Глинка.

В 1834 году он начал работу над своей «отечественной героико-трагической оперой», как охарактеризовал сам композитор «Ивана Сусанина». Это название дал Глинка своему сочинению, но император Николай I лично распорядился именовать оперу «Жизнь за царя». Под таким названием она и была впервые поставлена в Петербурге 27 ноября 1836 года.

Современник Глинки, выдающийся русский мыслитель, музыкально-общественный деятель и критик Владимир Федорович Одоевский, говоря об «Иване Сусанине», образно заметил, что Глинка возвысил народный напев до трагедии. Слова Одоевского можно сопоставить с высказыванием самого Глинки: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем».

Эти слова Глинки, казалось бы, дают основание для предположения, что его творческий метод характеризуется широким использованием народно-песенных мелодий. Однако Глинка, как мы знаем, очень редко цитировал мелодии русских народных песен. Во всяком случае, в его операх таких цитат почти нет. И тем не менее музыка Глинки неразрывно связана с могучей стихией русской народной песенности, подлинно народной в самом высоком смысле этого слова.

Величайшей заслугой Глинки, первого русского композитора, достигшего классических высот творчества, следует признать победоносное утверждение реалистических принципов народности, как истинной основы музыкального искусства. Разрабатывая эти принципы, Глинка стремился не к простому воспроизведению народных мелодий, а к постижению народных дум, чаяний и стремлений, обусловивших его образный строй и характерные средства выразительности творчества композитора.

В «Иване Сусанине» эти средства обобщены с неотразимой силой и поистине гениальной художественной убедительностью. Мощные величаво-распевные хоры русских крестьян и воинов-ополченцев, арии Сусанина, прощающегося с женой, и дочери его Антонины, оплакивающей отца, наконец, потрясающее богатырской силой, гремящее «Слався!» в эпилоге — все это возникло из глубин народно-песенного творчества, все это рождено гением Глинки, который смог поистине «возвысить» народный напев до трагедии. Эти прекрасные слова Одоевского нужно, конечно, понимать в том смысле, что Глинка сочетал в своем творчестве народность с классической законченностью большого, высоко искусства.

От «российских песен» и вариаций на народные темы до оперной классики — такой большой и славный путь прошли строители русской музыкальной культуры за тот сравнительно небольшой промежуток времени, который отделяет первые светские опыты композиторов XVIII века от «утренней зари русской оперы», как назвал академик Б. В. Асафьев «Ивана Сусанина».

Свет этой «утренней зари» был путеводным маяком для всех последующих поколений русских композиторов, ибо Глинка решил в «Сусанине» проблему создания национальной русской оперы на основе типического обобщения музыкально-сценических образов. Действительно, центральный персонаж оперы — крестьянин села Домнино Костромской губернии — наделен в опере Глинки чертами, типичными для простого русского человека, в сердце которого горит неугасимый огонь любви к Родине, вдохновляющей его на бесмертные подвиги. В образе Сусанина нет, по существу говоря, ничего исключительного, необычайного. Но величие этого старика-крестьянина заключается в могучей, всеобъемлющей силе его патристического чувства, присущего не только Сусанину, но и всему народу нашему, достойный сын которого был этот простой русский человек, воспетый поэтом-декабристом Рылевым и Глинкой. И нельзя не вспомнить, что в годы Великой Отечественной войны подвиг Сусанина был не раз повторен советскими людьми, умножившими славу своих предков.

Что же касается оперы Глинки, то всемирно-историческое значение ее заключается еще и в том, что впервые героем

большого, классического произведения стал простой крестьянин, простой труженик, а не традиционный герой-аристократ, совершающий романтические подвиги. И недаром русская, да и не только русская, аристократия так ополчилась на великое творение Глинки, именуя его музыкой «кучерской».

Высокий героический пафос сочетается в «Иване Сусанине» с глубокой лирической задушевностью, придающей особенную человечность музыке. Напомним, что еще до «Сусанина» Глинка создал такие шедевры вокальной лирики, как романс «Не искушай меня без нужды», песни «Что, красота молодая», «Ах ты, ночь ли, ночьенька», овеянную пушкинской «светлой печалью» «Не пой, красавица, при мне».

В этой песне Глинка чутко отразил характерные особенности грузинской народной песни. С большим интересом относился он к творчеству и других народов нашего Отечества, в частности украинского. Глинка бывал на Украине, высоко ценил музыкальную одаренность братского украинского народа, его величальные песни, отголоски которых не раз звучали в творчестве великого основоположника русской музыкальной классики, а вслед за ним и многих других русских композиторов.

Вскоре после «Сусанина» были сочинены баллада «Ночной смотр», романсы «Сомнение», «Баркарола», «Я помню чудное мгновенье» и другие. Правдивое раскрытие образов текста, выразительная мелодика, свежесть гармонии и ритма сочетаются в вокальных произведениях с высоким национальным своеобразием, достигнутым великим композитором в результате широкого, смелого и естественного обобщения характерных, типических черт русской крестьянской песни и городского бытового романса.

Но Глинка еще в досусанинский период работал в других областях музыкального творчества, неустанно расширяя жанровое богатство русской музыки. В этот период им были созданы многочисленные фортепианные пьесы, струнный сетет, два струнных квартета, соната для альты и фортепиано, «Патетическое трио» для кларнета, фюга и фортепиано. До нас дошли также отрывки ранних симфонических произведений Глинки — двух увертюр, писавшихся на темы русских и украинских народных песен, а также «Увертюры-симфонии на круговую русскую тему». Это произведение уже в наше время закончили и доинструментовал композитор В. Шебалин, а ранний струнный квартет Глинки был завершен Н. Мясковским и В. Ширинским.

Лучшие симфонические произведения Глинки были написаны, однако, уже после «Руслана и Людмилы» — второй и последней оперы Глинки, первое представление которой состоялось в Петербурге ровно через шесть лет после премьеры «Сусанина» — 27 ноября 1842 года. «...Гениальный опыт музыкального воссоздания народного эпоса о героических странствованиях — так называл «Руслана» Б. В. Асафьев, подчеркивая, что «Глинка откинул пушкинскую юношески-задорную иронию над эпосом и эпическими поэмами».

Но к образу русского витязя — богатыря Руслана Глинка пришел все же через поэму Пушкина и, быть может, в результате бесед с великим поэтом, который сам намеревался, как известно, написать либретто оперы, задуманной совсем незадолго до его трагической смерти. И в эту оперу, так же как и в «Ивана Сусанина», вложил Глинка большой философский смысл, поставив в центре «Руслана» художественно обобщенный образ русского воина-богатыря, характерные черты которого восходят к народному эпосу, в котором запечатлелись национальные идеалы русского народа.

Руслан наделен мужеством, бесстрашием, богатырской мощью, и вместе с тем он верен своему слову, в нем живет чувство долга и сознание своей правоты, умножающее его силы. Не ради захвата чужих владений страствует Руслан, а для того, чтобы освободить свою невесту Людмилу и наказать ее обидчика Черномора, в образе которого Глинка, так же как впоследствии Римский-Корсаков в облике Кашей-Бессмертного, воплотил обреченные на гибель злые силы реакции.

И вот что еще нужно отметить: чудесное превращение рабов Черномора, которые после подвига Руслана приобретают человеческий облик. Так великий русский композитор воплотил в своем произведении мечты о раскрепощении народов.

И так же, как и в «Сусанине», создал Глинка в «Руслане» страничку дивной, выразительнейшей лирики, которой согреты и раздумья Руслана, и задушевные излияния Гориславы, и ария Людмилы, тоскующей по жениху. Все эти странички глубоко демократичны, ибо Глинка развивая народно-бытовые истоки русской музыки. И вместе с тем опера содержит колоритнейшие фантастические эпизоды, возникшие на поэтической основе русской народной сказочности, и богатейшие музыкально-хореографические сцены.

В «Иване Сусанине» и «Руслане и Людмиле» развернулся во всю мощь гений Глинки не только как оперного композитора, но и как великого симфониста. Увертюры и танцы из этих опер, а также знаменитый марш Черномора, вошли в золотой фонд русской симфонической классики, драгоценный вклад в которую Глинка сделал и в последующие годы, когда им были созданы «Арагонская хота», вторая испанская увертюра — «Воспоминание о летней ночи в Мадриде» и «Камаринская».

Можно напомнить, что передовые круги испанской общественности давно уже оценили величальные увертюры Глинки, который указал испанским композиторам пути творческого развития и разработки неисчерпаемых сокровищ песенно-танцевального творчества их родного народа.

Петр Ильич Чайковский назвал в своем дневнике Глинку «небывалым, изумительным явлением в сфере искусства и, характеризую его «Камаринскую», писал в 1887 году:

«Почти пятьдесят лет... прошло; русских симфонических сочинений написано много, можно сказать, что имеется настоящая русская симфоническая школа. И что же? Вся она в Камаринской, подобно тому, как весь дуб в желуде! И долго из этого богатого источника будут черпать русские авторы, ибо нужно много времени и много сил, чтобы исчерпать все его богатство. Да! Глинка настоящий творческий гений!».

Обозревая творческий путь Глинки, мы всегда глубоко скорбим по поводу того, что жизнь великого русского композитора оборвалась так рано, когда он был еще в расцвете сил. Безвременная смерть Глинки, скончавшегося 15 февраля 1857 года, была тягчайшей утратой для всего русского народа, искренне оплакивавшего кончину автора «Сусанина». «Имя Глинки проникло в самые глухие и отдаленные углы России, вместе с его мелодическими, задумчивыми или страстными звуками», — читаем мы в некрологе, посвященном Глинке, в мартовской книжке журнала «Современник» за 1857 год.

Еще при жизни получил Глинка признание и в зарубежных странах. Вспоминая о первом впечатлении от знакомства с музыкой Глинки, великий французский композитор Гектор Берлиоз писал, что песни Глинки уже тогда удивляли его своей восхитительной мелодией. В своей большой статье о Глинке, перепечатанной во многих странах, Берлиоз писал:

«Он великий гармонист и пишет партии инструментов с такой тщательностью, с таким глубоким знанием их самых тайных средств, что его оркестр один из самых новых, самых живых оркестров в наше время».

Произведения Глинки еще при его жизни исполнялись за рубежом под управлением Берлиоза, а также Мейербера и других знаменитых музыкантов того времени. Великий венгерский композитор и пианист Ференц Лист восторгался музыкой Глинки и сделал прекрасное концертное переложение его «Марша Черномора» для фортепиано.

В свою очередь Глинка придавал серьезное значение укреплению связей русской музыки с музыкальными культурами других стран. Его испанские увертюры являются непревзойденными образцами глубокого изучения и гениального развития национальных черт музыкальной культуры испанского народа.

Особенно тесная дружба связывала Глинку с крупнейшими деятелями польской культуры — с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем, композитором Станиславом Монюшко, пианисткой Марией Шимановской, поэтом Владзимежем Вольским.

Имя великого основоположника русской музыкальной классики, дело которого продолжали Даргомыжский, Балакирев, Бородин, Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский, Танеев, Глазунов, Рахманинов и другие мастера русской музыкальной классики, составляющей славу и гордость нашего народа. Повсюду в нашей стране — в оперных театрах, концертных залах, школах, домашнем быту и по радио звучит музыка Глинки. С потрясающей силой звучит его гениальное «Слався!» в дни наших всенародных праздников как гимн величю и патристическому единению советского народа.

Творческий опыт Глинки и его продолжателей глубоко изучается в нашей стране. Коммунистическая партия не раз указывала на громадное значение русского классического наследия для развития передового, реалистического направления в советской музыке, для укрепления ее славных демократических традиций. И, чувствуя память Михаила Ивановича Глинки, мы чтим в его лице создателя национальных традиций русской музыкальной классики, высоких традиций реализма, идейной глубины, правдивости и беззаветного служения родному народу.